

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. В РОССИИ

После летаргического сна

Россия после 90-х годов похожа на человека, проснувшегося после летаргического сна, полного кошмаров. Он рад, что выжил, что кошмары бандитского лихолетья рассеялись, но совершенно не понимает, кто он, куда идет, и с трудом ощущает почву под ногами. В таком положении его главным утешением становятся воспоминания о времени до летаргического сна с приукрашиванием всей жизни наподобие розового беспроblemного детства.

Ценностное различие подходов и идей в России определяется тем, насколько они продлевают летаргический сон, – лишь на 90-е годы или затягивают на весь период до 1917 года. Соответственно и клюквенноромантические воспоминания касаются советской пионерской молодости или доброго царя-батюшки, почему-то доведшего страну до поражения во всех войнах и череды революций.

При этом реальное положение России сейчас никак не соответствует хотя бы минимальным потугам на реставрацию краснознаменномаршматической власти КПСС или же соборно-православного ретроградства.

Попробуем с позиции врача, увидевшего очнувшегося человека, а не воющей по России кликуши, определить социально-экономические возможности развития страны на данном этапе именно в тех условиях, в которых она оказалась. Как и у классического героя на распутье, возможностей развития у России четыре – точно по сторонам света. По русской традиции, где запад, где восток и кому теперь поклоняться – пусть каждый определяет сам.

Итак, путь первый – открытое разваленное общество. Увидев, к чему привело его открытое идеологическое общество, Поппер¹ сразу бы отказался от авторства своей знаменитой книги. В сочетании с идеями Хайека и Фридмана² открытое общество стало похоже на придорожный кабак во время эпидемии чумы. Глобализация привела к тому, что все мировые болезни сваливаются на голову России, а от внутренних язв она не только не избавляется, но в сочетании с зарубежными поветриями они превращаются в смертельный недуг. Об этом можно говорить уже не в качестве прогноза, это та самая модель, которую насильственно навязала нам власть, мафия и олигархия в 90-е годы. Впрочем, по степени значимости эту триаду следовало бы перевернуть, добавив либеральную идеологию, которую вбивают в голову народа подвластные СМИ для полного препарирования мозгов.

Продолжение такого пути означает полную открытость экономики для всех западных товаров, прежде всего низкосортных, поскольку их удобнее всего скидывать в страну, превратившуюся в потребительскую мусорную яму. Рабочая сила не нужна по факту, тем

более квалифицированная. Поэтому население оказывается перед вполне демократическим выбором: бежать из страны или деградировать здесь путем усиленной дружбы с паленой водкой. Основные производственные мощности вызывают интерес только как продукция сбыта, причем по демпинговым ценам и за рубеж. Соответственно вызывают интерес лишь специалисты, способные поддержать торговые спекуляции и наладить отношения с властью. Последней отдается роль ночного сторожа, охраняющего воров. Выбор этого пути, а скорее его продолжение, автоматически означает социальную ситуацию в виде «политики бантустанов» с войнами между местными кланами по разделу сфер влияния, а-ля Грузия или Таджикистан в 90-е годы. Впрочем, более далекие примеры Заира, Афганистана или Сомали оказались бы в этом случае более точными.

Сегодняшняя власть, пекущаяся о своем достоинстве и даже величии, никогда не пойдет на продолжение этого пути и пытается всеми силами ликвидировать последствия 90-х. Исключения составляют фигуры проводников такой политики в российское лихолетье конца XX века. Их личная неприкосновенность и даже почитание становятся понятными ввиду того, что одним из идейных оснований нынешней политики является преемственность. А охаивание прежних властителей создает повод для такого же неуважительного отношения к нынешней власти и нарушает древний византийский принцип царственной передачи полномочий новому Базелевсу.

Интересно, что в этом плане современная ситуация радикально отличается от российских традиций XX века и даже предыдущих веков, где каждая новая власть строилась на руинах предыдущей. За все время XX века только один длительный властитель оказывал внешнее почтение предыдущему. Как вы помните, Сталин всегда позиционировал себя как преемник и продолжатель дела Ленина. Ленинской гвардии от этого лучше не становилось, и она плавно пошла под нож вместе со всем делом Ильича.

«Византизм» в отношении курса 90-х годов, при всем возведении в святость стабильности и традиций, означает, что Россия лишается глотка относительной свободы, что была характерна для короткого периода прихода новой власти и развенчания прежней.

Начало нового пути было видно после глобального экономического кризиса 1998 года, когда тотальное разрушение системы спекулятивной экономики, социально добив наших сограждан, позволило расчистить место для новых, намного менее паразитических экономических структур. «Время банановых королей» означает, что страна живет за счет своего достаточно мощного сырьевого запаса, обеспечивая процветание элите и более или менее приемлемое существование всему населению за счет сбрасывания крошек с царского стола. Такая система могла продержаться довольно долго, и на рубеже тысячелетий стало казаться, что она определит развитие России на ближайшие десятилетия. При ней бурно развивались добывающие отрасли. Входили в относительное благополучие регионы, богатые своими ресурсами, или же экономические центры, через которые велись торговля и управление деньгами и сырьем (в первую очередь Москва). Остальной России только и оставалось, что постепенно вымирать или переезжать трудоспособным составом в добывающие и преуспевающие области, чтобы прокормить членов семьи, которых угораздило родиться в неудачном месте.

Выбор «банановой республики» постепенно отдалялся по мере усиления центральной власти, и сейчас уже кажется абсолютно нереальным. Его рудименты поддерживаются на уровне все еще влиятельных, но постепенно рушащихся олигархий, которые пытаются ухватиться за либеральную идеологию как за последний щит своего безопасного существования. Но власть уже не хочет только материально процветать, а положение «банановых королей» означает сдачу всех своих критических полномочий мировым метрополиям в обмен на поддержку, безопасность и материальное суперблагополучие.

Признаемся, сегодняшняя российская власть не алчна, и экономический ресурс ей интересен только как один из основных рычагов влияния. Передавать кому-то свои полномочия она не собирается, у регионов реальную власть давно отняла, используя жупел террористической опасности, а с мировыми метрополиями поддерживает вооруженный нейтралитет, понимая, что сейчас реальная ссора ей не по силам. Но даже вооруженный нейтралитет выглядит смешно при отсутствии вооружения.

Что касается основного противника – олигархов, то, как сказано, кесарю почитание кесаря на монетах, а олигархам – оставшиеся монеты или пошив национального богатства в виде валенок в далекой сибирской тюрьме. Цитата из Священного Писания, конечно, не точная, зато очень верная по сегодняшним российским реалиям. Как раз олигархам и оставляют роль если не «банановых королей», то «банановых баронов» с гарантией материального благополучия и без всякой возможности влияния на власть. Попытка перейти эту черту жестоко карается (ЮКОС, Алекперов)³. Похоже, что тенденция ведет к тому, что «банановые бароны» превратятся в мелких «банановых удельных князьков» и останутся безграничными правителями только на своих предприятиях или среди девиц Куршевеля.

Более или менее независимую политику предполагают оставшиеся два пути. Один из них вызывает наибольшую злобу со стороны либералов, и его проклинали все 90-е годы, чуть ли не как самое страшное наследие тоталитарной системы. То, что данная модель подняла экономику идеологически открытых и отнюдь не тоталитарных стран, естественно, замалчивалось как некоторое досадное недоразумение. Вариант закрытой дирижистской экономики на постсоветском пространстве наиболее полно реализовался в Беларуси в конце 90-х – начале 2000-х годов. И он позволил поднять экономику страны после шушкевичского мракобесия⁴, когда в стране творился инфляцит, т.е. в отличие от России были не только заоблачные, недоступные для большинства потребителей цены, но еще и не хватало товаров на рынке. Такой путь, действительно, опасен переходом к политическому авторитаризму, что в классическом варианте иллюстрирует современная Беларусь. Но даже ее сегодняшняя политическая несвобода не сравнится с такими же показателями в экономически свободном Китае или в ряде республик Средней Азии и Закавказья.

Вариант «дирижизма» означает государственное регулирование экономики – активная дотационная политика в отношении социально значимых производственных отраслей, постепенный подъем хозяйственных связей, поддержание качества жизни для всего населения, пусть не на высоком, но на приемлемом уровне, тенденция к уравниванию доходов населения. Закрытость экономики от внешней экспансии неизбежно приводит к политическому столкновению с экономически более сильными зарубежными партнерами. Как уже говорилось, такая ситуация провоцирует положение «осажденной крепости» и

может подталкивать власть к отмене политических свобод в целях единства общества для противостояния внешним угрозам. Однако при кейнсианских реформах Рузвельт сумел эту опасность избежать, несмотря на три президентских срока, а де Голля поправил французский народ, выйдя на улицы с лозунгом «10 лет достаточно»⁵.

Несмотря на вынужденную политическую независимость такой путь абсолютно не устраивает российскую власть сегодня. Он вынуждает идти не на «вооруженный нейтралитет», а именно на конфронтацию в той или иной сфере, поскольку охрана собственных социально-экономических интересов резко и больно ударит по доходам целого ряда экономических олигархий и стран, привыкших получать баснословную прибыль от России. «Неалчность» нынешней власти проявляется и в том, что она готова пожертвовать социально-экономическими интересами собственных граждан ради избежания конфликта, который может подставить ее под удар.

Главная причина отказа от закрытой дирижистской экономики с социальным уклоном, однако, содержится в другом. При таком пути претензии на статус великой державы становятся безосновательными, поскольку материальные средства распыляются по всему обществу и власть не будет обладать должными возможностями для сверхзначительного усиления своей мощи. Поэтому такой вариант сейчас даже не рассматривается, а чрезвычайно сконцентрированные у нас правящие круги (или лучше круг) ориентируются на иной вариант.

Модель «быстрого прорыва» в чем-то напоминает «большой скачок» Мао Дзе-дуна в Китае. Только в качестве топлива для скачка (к радости россиян) собираются использовать не человеческую силу, а материальный и властный ресурс. Проще говоря, финансовые влияния вместе с административной поддержкой направляются в те отрасли, которые позволяют совершить большой рывок в экономике и в кратчайшие сроки обосновать претензии России на статус великой державы. Отсюда такая любовь к нанотехнологиям и прочим новомодным научнопроизводственным фетишам, при том, что множество регионов до сих пор пребывает в абсолютной нищете.

Интересно сравнить возможные социальные показатели реализации двух последних путей независимого развития. При «быстром прорыве» экономические достижения намечаются большими и выполнимыми в более короткое время. Недаром целью развития России поставлена задача удвоения ВВП. Однако предполагается, что распределение экономических доходов между различными слоями общества и областями производства будет явно непропорциональным. Это означает не только сильнейшее социальное разделение, но и ситуацию социальноэкономических провалов между ведущими и отсталыми регионами России. Границы между регионами станут обретать реальные очертания, а города все больше будут напоминать мегаполисы третьего мира с районами богачей и кварталами нищеты.

Казалось бы, что может быть лучше мгновенного и быстрого роста. Но большие скачки грозят большими неприятностями, возникающими не сразу, а по прошествии многих лет и даже десятилетий. Если сейчас социальная апатия, провоцируемая властью и насильственно привитая еще в 90-е годы, господствует среди населения, то это не

означает, что социальных проблем становится меньше. Сегодня активность и протестные настроения ввиду социального ущемления уродливо проявляются в виде национальных преступлений. Они явно начнут перерастать в серьезные социальные бунты по окончании реализации «плана Путина» в 20–30-е годы нынешнего века. А в целом в XXI веке Россия может превратиться в страну перманентной социальной напряженности. Традиции тут ни при чем, но предполагаемый сейчас социальный разрыв, когда он оформится окончательно, будет требовать политической компенсации.

Региональный рост крупных производственных и перерабатывающих центров и наплевательское отношение к остальной России грозит перерасти в не менее тяжкие проблемы. О сегодняшнем отношении россиян к Москве не стоит и упоминать. Во всяком случае, о нем невозможно упоминать в цензурных выражениях. В том случае, если большинство регионов останется на сегодняшнем уровне, а Москва перерастет в преуспевающий центр, во что выльется такое отношение, страшно и предположить. Но дело даже не в первопрестольной – Россия не только богата, но и страшна своими размерами. Даже такие небольшие страны, как Италия или Швеция, экономически страдали от необходимости проводить политику «кормления хромых уток», когда итальянская экономика работала на поддержание бедных южных регионов, а шведам упорно приходилось вливать деньги в их небогатый север. Известно, что итальянцы не знают, как поступить с «Лигой севера» Берлускони и тамошним сепаратизмом. В подобной ситуации оказалось множество вполне преуспевающих и идеологически свободных стран (Бельгия, Канада с Квебеком, Франция с Корсикой, Испания с Землей Басков и т.д.).

В истории известен пример еще одного государственного «лоскутного одеяла», Австро-Венгрии, которая тоже сделала акцент на сильную императорскую власть и поддержку ведущих регионов. Более слабые земли в конце концов проснулись, и – что-то мы не видим сегодня на карте крупнейшей страны в Европеб. Эта проблема сейчас убивается на корню путем централизации власти, она может быть длительной, но нереально, чтобы она продолжалась до бесконечности. Рано или поздно гайки у наработанного механизма начинают раскручиваться, тогда оказывается, что механизм не может держаться только на центральном управлении. А какие сдерживающие факторы будут у страны, изначально регионально разорванной на преуспевающую и депрессивную части?

Наш проснувшийся от летаргического сна человек пока не задается такими вопросами, и власть неуклонно ведет его в нужную сторону. Самое обидное не то, что он наконец стал двигаться, – а его идеологический самообман, когда перед глазами мельтешат либо власовские «матрасы» с портретами опальных воров-олигархов, либо кумачи с прежними кроваво-красными диктаторами, либо хоругви с имперскими тряпками. Не видя реального выбора, люди, только-только почувствовавшие хоть какую-то социальную стабильность, мечутся между этими заплесневелыми манекенами, не зная, у какого иконостаса набраться великих державных ценностей. А вдруг общество действительно поверит в средневековые византийские бредни, давно почившие на кладбище, и под новый экономический скачок подымет очередную хоругвь, чтобы устроить бессмысленную бойню а-ля Первая или Вторая мировая в XX веке? Злости и обиды за унижение 90-х годов сейчас более чем достаточно.

Не читайте эту книгу!

Рецензия на издание: Конституция Российской Федерации. М.: АСТ, Астрель, 2008 г.

Зачем эта книга вообще нужна? То есть не основной закон как факт – его надобность никто не отрицает, – а именно та самая тонкая книжечка, которая появилась на волне, мягко говоря, не вполне правомерных последствий сентябрьско-октябрьских событий 1993 г. и с тех пор регулярно переиздается. Когда в одном из судов мой крайне законопослушный подзащитный попытался прямо в зале суда прочитать текст Конституции, его прервал властный окрик прокурора: «Конституция – документ рамочный и прямому применению не подлежит!». Отойдя от баталий того суда, я стал размышлять: а может быть, государственный защитник законности был прав? Может быть, в самом деле Конституция – документ не очень прямого действия, несмотря на то что в ней самой записано? Ведь факты в этом споре на стороне того прокурора.

А факты таковы. По своему принятию Конституция явилась документом *ad hoc*, т. е. документом, созданным к определенному событию. Она была вызвана к жизни необходимостью закрепить победу Президента и его окружения в путче 1993 г. Она стала знаком их победы. Но что если мы вдруг решим воспринимать Конституцию не как «священное писание» победителей, а все же попытаемся прочесть ее текст?

Начнем с нелюбимого либеральными правоведами права на труд. Статья 37 сразу же провозглашает: «Труд свободен». Что это такое, возможно, лучше объяснит врач-психиатр, нежели юрист. Если следовать тому же пути, следующую статью надо было начинать «отдых тоже свободен», «а социальное обеспечение вообще свободно от всех нас». Почему вдруг оказался свободен труд, а не работник, и от чего он свободен, остается неразрешимой загадкой. Возможно, такой заход призван добавить интереса при чтении.

Мне возразят, что это подводка к закрепленному праву на труд. Позвольте, какое право, где оно закрепляется? Как же, возразит внимательный читатель, часть 3 той же статьи: «Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены». А теперь обратите внимание, где стоит запятая. В нашей стране есть право на условия труда, а права на труд нам никто не обещает. Если имеется в виду гигиена и безопасность, т. е. охрана труда, то вообще-то об этом уже написано в ст. 7 Конституции, и авторы сознательно прибегают к тавтологии. Но чего не сделаешь, чтобы очаровать восторженных поборников демократии в 1993 г., чтобы позволить им с чистой совестью заявлять: у нас есть право на труд, как и любое другое право?

Впрочем, не следует подозревать авторов в обмане и злокозненности. Вот, например, в ст. 74 они искренне пишут: «На территории Российской Федерации не допускается установление таможенных границ». Посыл авторов абсолютно понятен, чтобы, например, между Владимирской и Рязанской областями какой-нибудь добродетельный неароком не поставил

таможню, что было вполне актуально в начале 90-х гг. А теперь представьте себе границу РФ с любой другой страной, предположим, с Финляндией. Где находится таможенный пункт? А где ставят отметку об убытии или прибытии в нашу страну? Не происходит ли это, совершенно случайно, на территории РФ? Формально таможенная граница совпадает с государственной, да и то не всегда. Например, с Беларусью она вскоре была отменена (кроме транзита), что не мешало правоохранительным органам вменять статью «контрабанда» за пересечение отсутствующей линии таможенного контроля. Но таможенные пункты всегда находятся на территории страны, так же как внутри взимаются таможенные сборы и пошлины. Если мы согласимся признать Конституцию актом прямого действия, значит ли это, что действие всех таможен следует признать незаконным?

Разделение властей в тексте Конституции – это вообще лебединая песня российской демократии. Вернее ее конца, поскольку формулу этого так называемого разделения по Конституции можно передать одной фразой: «Всю власть одному (Президенту), все остальное существует формально». Понятно, что ее текст, как и любой нормативный документ, у нас привыкли делать под конкретных лиц. Правда, лица имеют обыкновение стареть, чахнуть, терять полномочия и покидать этот мир, а с оставшимися документами приходится жить неистребимому никакими реформами «многонациональному народу Российской Федерации».

Сейчас этот народ может долго гадать, например, что такое федеральные округа и как они вписаны в систему региональных властей РФ. Главное при этом гадании – не обращать внимания на Конституцию, потому что там никаких федеральных округов попросту нет, и что это такое, наш основной закон не знает. Но попробуйте оспорить наличие федеральных округов в любом суде на основании текста Конституции, я буду долго смеяться над вашей попыткой.

Если вы считаете такое предложение безумием или провокацией, я не вполне с вами соглашусь. Я же не предлагаю вам выяснить полномочия, состав и вписанность в российский властный механизм Администрации Президента Российской Федерации. Вся ее роль в российской системе власти по нашей Конституции определяется одной строчкой, а именно пунктом «и» ст. 83: Президент РФ «формирует Администрацию Президента Российской Федерации». А что она делает? Для чего она? Зачем вообще нужна эта «тайная канцелярия», вам не сможет толком ответить ни один юрист-государственник. Зато каждый чиновник из аппарата российской власти об этом органе сможет прочесть лекцию. Хотя места для Конституции в ней, разумеется, не найдется. Любопытно, что Совет безопасности РФ удостоился в тексте Конституции точно такого же упоминания. Но для него есть хотя бы отсылочная норма: его статус определяется другим Федеральным Законом. Следовательно, для Совета безопасности должен быть отдельный Федеральный Закон. А чем должна руководствоваться Администрация Президента, не должен знать простой смертный законопослушный человек. Даже формально. Вот уж поистине «тайная канцелярия».

Я знаю, что мне ответят: «Закон суров, но это закон». Даже если этот закон глуп и не может быть применен. Но об отношении к такому законотворчеству можно судить по тому, как его уважают сами победители 1993 г. В течение месяца после принятия Конституции властьпобедитель успела ее дважды нарушить: при роспуске Ленсовета и при легитимации

пребывания российских войск в Абхазии⁷. Я не касаюсь правильности или неправильности данных действий, меня интересует степень уважения к документу со стороны тех, кто только что его принял. Причем принял без учета разработок Конституционной комиссии, которая до этого несколько лет пыталась придумать новую российскую Конституцию. Ах да, ее возглавлял депутат О.Г. Румянцев, который в дни противостояния занял не ту сторону. Конечно, для конституционного процесса – это событие основное и, как говорится, обжалованию не подлежит.

По месту и по времени моя студенческая юность прилась как раз на события, ознаменовавшие появление сего документа. Московская государственная юридическая академия находится в одном квартале от Белого дома, как раз через зоопарк. В этом зоопарке, глядя через кружку пива на его обитателей, лучше всего было вспоминать создателей основополагающего российского законодательного акта и их незабвенный победоносный опус.

Опубликовано 12 декабря 2008 г. на сайте Института Верховенства права: www.ruleoflaw.ru

О положении в российской прокуратуре

Доклад Института верховенства права о положении в российской прокуратуре, посвященный выступлению Генерального прокурора Ю.Я. Чайки в Госдуме 15 ноября 2006 г.

За прошедший период значительные изменения в формах и организации деятельности системы прокурорского надзора явились прямым отражением как изменения отношений внутри страны, так и появления обновленной законодательной базы. Рубежом начала существенного реформирования системы прокуратуры можно считать введение в силу в 2002 году нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Эти изменения имеют на сегодняшний момент как положительные, так и отрицательные черты, оказывающие влияние на состояние обеспечения законности во всей стране.

В ходе данных изменений можно зафиксировать, что увеличилась значимость функции прокуратуры за контролем над деятельностью иных правоохранительных органов и административных государственных структур. Целый ряд возбужденных дел по обвинению в коррупции должностных лиц в различных регионах РФ демонстрирует усиление прокурорского надзора и существенное сокращение ранее «неприкосновенных» фигур и лиц. Вместе с тем передача в соответствии с новым уголовно-процессуальным законодательством некоторых существенных функций прокуратуры суду породила ряд нерешенных на сегодняшний день проблем.

В частности, санкционирование основных действий следствия, таких как заключение под стражу обвиняемого лица и обыск в жилище, теперь предоставлено суду, а не прокуратуре. В результате возникла ситуация, когда отказов в применении меры пресечения в виде содержания под стражей стало несравнимо меньше, чем до введения в действие нового Уголовно-процессуального кодекса. Ранее вопрос о выборе меры пресечения решался органами прокуратуры, исходя из принципа доказанности, т.е. наличия реальной

доказательной базы на момент избрания санкции обвиняемому. В настоящий момент суд решает вопрос о применении ареста без рассмотрения каких-либо доказательств, а только исходя из тяжести предъявленного обвинения, места жительства обвиняемого и т.д. К сожалению, сокращение полномочий прокуратуры в этом принципиально важном вопросе привело к тому, что вопрос о выборе меры пресечения стал, по сути, формальным.

Аналогичная ситуация произошла с передачей функции прокуратуры по санкционированию обыска в жилище суду. До внесения данного изменения ответственность за подобные следственные действия брали на себя органы прокуратуры, и потому использовали данную меру относительно осторожно, в настоящее время передача функции санкционирования обыска в жилище суду значительно облегчила применение данной радикальной меры и, по сути, сняла с работников прокуратуры ответственность за правомерность ее использования.

Одной из самых серьезных проблем, связанных с применением норм нового Уголовно-процессуального кодекса, явилась отмена института возвращения уголовных дел из суда в органы прокуратуры для проведения дополнительного расследования. Эта непродуманная мера привела не к увеличению оправдательных приговоров, как предполагали авторы кодекса, а к облегчению деятельности лиц, пытающихся использовать институт прокуратуры в коррупционных целях и осложнению исправления допущенных в ходе следствия ошибок. Например, при необоснованной переквалификации статьи обвинения на менее тяжкую суд уже не может исправить ошибку следствия, возвратив дело. То же самое происходит при необоснованном или ошибочном отсечении уже выявленных преступлений из общего состава обвинения. Отмена института судебной ревизии создала серьезнейшие проблемы для всей правоохранительной системы РФ, в том числе и для прокуратуры. В настоящее время вопрос ликвидации негативных последствий в случае неполноты досудебного следствия остается одним из самых острых в правоприменительной практике.

Чтобы заполнить данный правовой пробел, подчас уголовные дела возвращаются в органы прокуратуры не только для изменения текста обвинительного заключения, как это предусмотрено законом, а фактически для проведения новых следственных действий и даже изменения состава обвинения. Соответственно срок возвращения уголовного дела в прокуратуру практически никогда не входит в рамки предусмотренных законом пяти дней.

Из безусловно положительных тенденций работы прокуратуры можно отметить реформирование ее структуры с ликвидацией громоздких образований – специальных прокуратур, не подчиненных территориальным прокурорским органам (прокуратура транспортная, природоохранная, по охране спецобъектов). Такая мера позволила значительно упростить систему прокурорского надзора. В настоящее время из структуры специальных прокуратур продолжает активно функционировать военная прокуратура, действительно имеющая реальную специфику в своей деятельности.

К сожалению, положительные тенденции по сокращению структурного аппарата органов прокуратуры во многом нивелируются раздуванием штата прокурорских работников на местах. В частности, появились новые вакансии заместителей прокуроров, являющиеся, по сути, дополнительными к ранее бывшим (в Москве возникли 3-й и 4-й заместители районных прокуроров вместо двух, в регионах – 2-й и 3-й вместо одного). Раздувание штатов

прокурорских работников без разъяснения необходимости появления новых штатных должностей создает опасность кумовства и бюрократизации прокурорской деятельности.

Одним из наиболее позитивных факторов работы прокуратуры явилось улучшение материальной базы ее деятельности. Материальное стимулирование прокурорских работников позволило остановить текучесть кадров и укомплектовать состав прокуратуры. Внедрение нового программного обеспечения и усовершенствованных средств связи способствовало сокращению общего срока расследования, улучшению эффективности взаимоотношений между различными территориальными подразделениями прокуратуры.

В данной связи положительную роль сыграло и соглашение между руководством прокуратур стран СНГ, позволяющее выполнять отдельные поручения территориальных прокуратур различных стран напрямую, минуя Генеральную прокуратуру. Такая договоренность позволила значительно увеличить эффективность взаимодействия органов прокуратур внутри стран СНГ, сняв ненужные бюрократические барьеры и значительно сократив время проведения следственных действий.

Продолжают сохраняться серьезнейшие проблемы, общие для всех правоохранительных органов, в том числе и прокурорских, связанные с определением отчетности на основании раскрываемости преступлений и количества уголовных дел, переданных на судебное разбирательство. Подобная практика приводит к целому ряду недопустимых действий. В частности: сознательное пренебрежение правами потерпевших, когда они обращаются в органы прокуратуры с заявлением о совершении в отношении них заведомо труднораскрываемого преступления, практика сокрытия и отказа в возбуждении уголовного дела в случаях подобного рода преступлений с целью улучшения отчетности, приписывание труднораскрываемых преступлений («висяков») иным лицам, их не совершившим. Данные проблемы носят чрезвычайно распространенный характер и, к сожалению, не преодолены за последние годы.

Не решенной проблемой также является порочный метод использования органов прокуратуры как орудия в корпоративных войнах или в качестве средства оказания давления на своего конкурента. Несмотря на явные успехи прокуратуры в делах борьбы с физическими и юридическими лицами, совершившими крупные экономические преступления, сама прокуратура остается в глазах многих инструментом для достижения личных неправомερных целей.

До настоящего времени не решенным остается вопрос о необходимости наличия в структурах прокуратуры органа, следящего за правомерностью и соблюдением законности в действиях самих прокурорских работников. Безусловно, в разрешении подобных острых вопросов органы прокуратуры ограничены положениями ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»⁹, не наделяющими прокуратуру полномочиями выполнения какой-либо оперативной функции.

Остается также спорным вопрос создания единого Следственного комитета, объединяющего следственные структуры всех ведомств. Такой шаг позволит унифицировать деятельность следственных органов и прекратить пресловутую

«конкуренцию ведомств». С другой стороны, сохраняются реальные опасения, что профессионализм прокурорских работников растворится в большем по численности составе милицейского следствия и дознания, которое обычно рассматривает менее значимые уголовно наказуемые деяния.

Разрешение вышеназванных проблем и последующее проведение организационной реформы связано как с необходимостью изменения законодательной базы, корректировок положений уголовно процессуального законодательства, так и с деятельностью руководства прокуратуры по усилению ее надзорной функции и повышению эффективности работы ее аппарата.

Опубликовано на сайте Института верховенства права: www.ruleoflaw.ru

Политзаключенные сегодня

Среди политзаключенных все чаще оказываются активисты левых движений, протестующие против нарушений социальных и экономических прав граждан.

Я не смогу рассказать обо всех делах и хотел бы остановиться лишь на одном, достаточно ярком в 90-е годы. Это рабочие выступления и беспорядки на Выборгском ЦБК10. Его незаконно приватизировали, отдали местным мафиози, их вместе искали Интерпол и местные рабочие. Интерпол – чтобы посадить, а рабочие – чтобы отнять комбинат. Владельцев так и не нашли, и рабочие взяли власть на этом заводе в свои руки. После этого к рабочим в гости пришел «Тайфун» – спецподразделение ОМОНа, занимающееся подавлением беспорядков в зонах. Они захватили этот комбинат, естественно, с огромным количеством травм, избитых. А потом против рабочих были возбуждены уголовные дела. Причем по очень тяжким статьям: от организации массовых беспорядков (до 10 лет лишения свободы) до воспрепятствования работе милиции и правоохранительных органов¹¹.

Отношение правозащитников к тем, кто оказался под угрозой очень серьезной посадки и обратился к ним за помощью, можно выразить так: эти права мы не защищаем, они вне сферы прав человека.

Это очень важный, узловый подход 90-х годов. То есть Пакт о гражданских и политических правах стоит главным пунктом повестки дня, а Пакт о социально-экономических правах¹², изданный тогда же, игнорируется, потому что его использовала советская власть для пропагандистской обработки Запада. Значит, мы не должны использовать этот пакт.

Это дело стало показательным для социального протестного движения 90-х годов, и оно высветило различия в подходе левых активистов и общим либеральным направлением в правозащите. Правозащита действительно либеральна в своей массе, в ней есть лишь отдельные вкрапления левой активности...

В 90-х годах возникло парадоксальное положение: можно было устраивать голодовки, митинги, многотысячные демонстрации, даже перекрывать дороги, но это никого не

интересовало. Однако как только Андрей Соколов устроил демонстрационный взрыв на Ваганьковском кладбище и взорвал надгробие Николая II, под которым не было никакого захоронения (в результате взрыва от памятника оторвался скол примерно в полметра), он сразу стал знаменит на всю Россию. Причем свою акцию он объяснил, вывесив лозунг: «Зарплату рабочим!». Это дело тогда очень гремело¹³. Потом начались попытки взрывов памятника тому же Николаю II в Подольске, Петру I и т. д.

Эти люди не хотели устраивать теракты, они устраивали бутафорский терроризм. Они взрывали макеты памятников, причем так, чтобы не пострадал ни один человек. Делали они это только для того, чтобы продемонстрировать: они готовы к действиям. А власть отвечала вполне реальными репрессиями.

В результате представители этих групп – НРА (Новая Революционная Альтернатива)¹⁴ и других – получили значительные сроки лишения свободы. И здесь есть прямой аналог с западным опытом, потому что террористическая волна на Западе тоже поднялась не сразу. Сначала проводят карнавальные акции, акции бутафорского терроризма, а когда власть в ответ применяет отнюдь не бутафорские карательные меры, приходит понимание адекватной реакции...

Я думаю, что до конца 90-х годов нас могла бы ожидать волна левого терроризма, так как никаких других легальных способов проявления оппозиционности, в первую очередь у молодежи, попросту не было. Но произошло новое политическое событие – Чеченская война, и с конца 90-х годов любое действие террористического характера автоматически приписывалось чеченцам. Даже последняя самая крупная акция леворадикальных террористов – взрыв приемной ФСБ на Кузнецком Мосту – сразу была приписана чеченцам.

Радикалы действовали исключительно из политических мотивов, но они были и исключительно антилиберальны. Можно ли считать их политзаключенными? Хотят ли они сами иметь этот статус?

Безусловно, сами себя они считают именно политзаключенными. Безусловно, в 90-е годы в отличие, может быть, от нашего времени большинство правозащитного сообщества отреклось от них как только могло, потому что они выступали против тех ценностей, которые правозащитное сообщество всеми силами поддерживало. Надо заметить, что методы давления на радикалов были абсолютно те же самые, что и на либералов-диссидентов 70-х – 80-х годов (их кидали в одиночки, малолетних детей отбирали у «мамок», беременных женщин этапировали в жестяных ящиках под охраной тридцати альфовцев – меньше никак нельзя)¹⁵. И точно так же вопрос о справедливости суда даже не стоял – справедливости никто и не ждал.

Проблема признания заключенных политическими и сейчас не снята. Делаются попытки применять этот статус к нужной политической категории. Например, к Ходорковскому и другим лицам, пострадавшим от действий государства в экономической сфере, также расширительно применяется понятие «политзаключенный».

Возникает и другой вопрос: можно ли включить в понятие «политзаключенный» жертв чеченского конфликта? Я много работал в Чечне и прекрасно понимаю, что одно и то же лицо вчера могло устраивать бандитские действия в отношении лиц нечеченской национальности; на следующий день – стать жертвой федералов; через год оказаться мирным жителем, у которого уничтожили дом; еще через два года принимать участие в боевых действиях. Понятие «политзаключенный» – понятие индивидуальное, а в случае большого конфликта есть просто жертвы войны. Даже если они действуют из идейных мотивов, они не могут быть политзаключенными. Понятие «политика» в войне размывается. Есть некие идеи, которые поднимают как знамена над определенными отрядами.

Я хочу обратить внимание еще на один аспект проблемы – появление новых заключенных. Это так называемые активисты. Дело в том, что активизм по-русски несколько отличается от активизма по-французски, по-немецки, по-испански. Это переход к радикальным действиям независимо от их политического характера. Самый яркий пример – НБП. Спросите у активиста Национал-большевистской партии: «Кто ты: правый или левый?», и вы получите в ответ либо нечто невразумительное либо заявление: «Мы просто радикалы, мы выступаем против нынешней системы».

Это достаточно опасная гремучая смесь. Такие ребята хорошо понимают, что любое радикальное действие, при котором они становятся политзаключенными, имеет намного большее политическое или социальное значение, чем легальный поступок. Можно поднимать непонятного цвета знамена, смешивать идеи левых и правых радикалов, устраивать безумные национал-социалистические смеси, но главное – проводить акции прямого действия и уже акциями прямого действия выработать среду, которая по самому своему происхождению будет противопоставлена системе.

Интересно, что даже левые радикалы, оставаясь в той или иной степени левыми, переняли эту тактику. Следом за НБП по числу возбужденных уголовных и административных дел идет АКМ. Это ультралевая, ультракоммунистическая организация сталинистского толка, которая сделала себе имя в молодежной среде не благодаря идеям, не благодаря каким-либо действиям в легальном политическом поле, а благодаря выходам за пределы легальных действий, благодаря радикальным акциям и появлению политзаключенных, потому что политзаключенные – это борцы за идею, это мученики.

Ситуация никому не нравится, так как число политзаключенных (как бы мы их ни называли, как бы мы к ним ни относились) увеличивается. Увеличивается и число людей, которые радикально противопоставили себя системе на любых лозунгах: радикальный исламизм, радикальный национализм или левый радикализм. При этом возможности легального сопротивления практически отсутствуют.

К сожалению, приходится констатировать, что даже короткий обзор положения политзаключенных в современной России дает основание предполагать дальнейший рост этой категории заключенных. К такому выводу нельзя не прийти, потому что есть причины для радикализации политизированных общественных течений, любая протестная активность выдавливается из поля легальной политики, а понимание официальных политических процессов как predetermined властями, на которые невозможно повлиять

лишь законными методами, все больше укрепляется. Маргинализация политической активности приводит к репрессивным действиям, порождающим политзаключенных как отдельный социально-правовой феномен.

Опубликовано в альманхе «Неволя» (прил. к журналу «Индекс/Досье на цензуру») в 2007 г., № 11

Европейская сказка в реальности российских колоний

Сравнительный анализ нашей и западной систем наказаний

В нашей стране со времен Советского Союза очень любили рамочные и рекомендательные нормы. Их можно было декларировать на каждом собрании и на каждой трибуне, на деле руководствуясь вполне конкретными ведомственными инструкциями, имевшими в реальности силу большую, чем любая Конституция. В этом плане Европейские пенитенциарные правила¹⁶, принятые как приложение к Рекомендации, были бы идеальны для российского чиновника от тюремного ведомства, если бы не одно существенное «но»: эти правила не включали бы нормы слишком конкретные для простой отсылки к ним как к неким абстрактным символам.

Колония и тюрьма действительно слишком реальное место, чтобы ограничиваться общими гуманными посылами. Поскольку конкретные нормы поведения и пребывания заключенных не закрепляются, то эти правила устанавливаются на местах. Иначе говоря, местный держиморда, злой на то, что без всякой вины должен отбывать свой срок в далекой от центра колонии, пусть даже в качестве ее начальника, срывает свою злость на заключенных как на самом доступном доказательстве его жизненной неудачи. И крик «запорю!» разносится над зоной точно по Салтыкову-Щедрину.

Представляю, какими глазами будут смотреть тюремные «хозяева» на эти Европейские правила, если их текст когда-нибудь до них дойдет. Впрочем, в этом я сильно сомневаюсь, хотя не буду впадать в излишнее критиканство – по сравнению с 90-ми годами до мест отбывания наказания и содержания заключенных уже стало доходить кое-что, позволяющее выполнять один из блоков вышеназванных правил. Я имею в виду материальное обеспечение, наконец появившееся в большинстве колоний и тюрем, что при всем воровстве позволило сократить число «голодных» зон и в ряде случаев прекратить пытку недоеданием и нищетой. Очень бы хотелось, чтобы через несколько лет мне удалось заменить слово «в большинстве» на «повсеместно», но до этого еще очень далеко.

Пока, улучшив положение по одному из критериев Европейских пенитенциарных правил, мы резко ухудшили ситуацию в другом, а именно в обеспечении прав заключенных в местах их пребывания. Ссылка руководства исправительного ведомства на борьбу с воровскими порядками вряд ли здесь приемлема, так как с воровскими «законами» боролись и раньше, при советской власти. Я слабо себе представляю, что запуск в «хаты» ОМОНа, громящего

все вокруг, сильно осложнит положение воров в преступной иерархии. Скорее наоборот, пусть не явно, но оттого более сильно эки сплотятся в противостоянии администрации.

Тут мы подходим к различиям между российской исправительной системой и западными пенитенциарными принципами, закрепленными в Европейских правилах. Говоря о том, что нормы пребывания заключенных не терпят абстракции, я не упомянул о самом главном обобщении, лежащем в основе любой исправительной системы: для чего мы лишаем граждан, преступивших закон, свободы?

Российская система исполнения наказаний не менялась, несмотря на все политические катаклизмы, ни сейчас, ни в советские времена. Она была исправительной, значит, преступника надо исправлять, делать из него добропорядочного гражданина. Какой-либо вопрос о человеческом достоинстве при этом даже не ставился, так как он противоречил всей исправительной модели.

Совершенно иное отношение к цели наказания, связанного с лишением свободы, сложилось в европейских (в первую очередь в западноевропейских) странах. После Второй мировой войны окончательно установилась нормативно-охранительная система, которая ставит охрану норм закона в основу всех правовых отношений. Соответственно, задача наказания – не переделать преступника, а создать условия, когда продолжение преступной деятельности невозможно (при изоляции) и максимально затруднено (по выходе бывшего заключенного из мест отбывания наказания). Сам человек при этом остается фигурой неприкосновенной, и во главу угла исправительной системы ставится понятие человеческого достоинства.

Европейские пенитенциарные правила явились, по сути, квинтэссенцией этого положения, прямо зафиксировав, что «при исполнении наказаний, предусматривающих лишение свободы, и обращении с заключенными следует учитывать требования безопасности, порядка и дисциплины при одновременном обеспечении таких условий содержания, которые не ущемляли бы достоинство человека и предоставляли возможность включения в полезные занятия и проведения для заключенных соответствующих программ с целью их подготовки к возвращению в общество» [Из Преамбулы Европейский пенитенциарных правил]. «Помимо правил, применимых ко всем заключенным, режим для осужденных заключенных должен быть направлен на то, чтобы они вели ответственный образ жизни без совершения преступлений. Заключение с лишением свободы само по себе является наказанием, и поэтому режим для осужденных заключенных не должен усугублять страдания, связанные с заключением» [Европейские пенитенциарные правила, п.п. 1, 2 ст. 102]. Исходя из этого принципа, менять заключенного, «перековывать» его уже не нужно. Тюремного заключения вполне достаточно.

В современной России, ужесточив режим содержания, мы отходим от данного принципа, используя трудности пребывания в тюрьме именно как механизм слома натуры и характера заключенного. В каком-то смысле представление о необходимости ломать заключенного пошло от педагогических приемов А.С. Макаренко, организовавшего свою знаменитую трудовую коммуну из малолетних преступников. Только Макаренко действовал путем убеждения и коллективного примера, а современные работники исправительных

учреждений – путем личного насилия и коллективных пыточных условий содержания.

Не имея здесь возможности рассматривать каждый пункт Европейских рекомендаций, нам следует обратить внимание еще на одно положение: «Ни один заключенный в пенитенциарном учреждении не должен наниматься на работу или наделяться полномочиями, связанными с обеспечением дисциплинарного режима» [Европейские пенитенциарные правила, п. 62].

Самым распространенным способом нажима на заключенных в российских колониях сегодня является фактическое принуждение эков к участию в «группах поддержания порядка», «дисциплинарных кружках» и прочих структурах¹⁷ внутри исправительного учреждения, прямо направленных на оказание дисциплинарного воздействия на его контингент. Под это воздействие попадают как заключенные, вписанные в подобные структуры, так и остальные эки, поскольку такие организации объективно создаются именно против них. Это не первая попытка раскола эковского сообщества в российско-советской истории – самой знаменитой и кровавой из них была «сучья война» второй половины сороковых годов прошлого века. Можно крайне отрицательно относиться к уголовным эковским правилам, но если администрация использует, тем более насильственно, заключенных, значит, сама она не справляется с поддержанием порядка. Применение вышеприведенной рекомендации в корне меняет всю российскую систему контроля над положением в колониях, если только она хоть когда-нибудь будет использована на практике.

Правда, в предыдущих Европейских правилах имелась существенная оговорка: «данное правило, однако, не является препятствием для осуществления мероприятий... и участия в деятельности социального, образовательного и спортивного характера» [Европейские пенитенциарные правила, прежняя редакция, п. 34.2]. Во что подобные мероприятия могут вылиться в российских условиях, и говорить не стоит.

Авторы изменений в Европейских правилах, очевидно, учли практику создания подобной показухи и уже отделяют спортивные, образовательные и прочие мероприятия от взаимодействия с администрацией. Однако они тут же создали новую возможность для нажима на заключенных. «В качестве неотъемлемого элемента общего режима для осужденных заключенных должна предусматриваться система увольнительных из пенитенциарного учреждения. Заключенные, согласившиеся на такую систему, могут быть задействованы в программе восстановления справедливости и заглаживания своей вины за совершенные преступления» [Европейские пенитенциарные правила, п.п. 6, 7]. Институт увольнительных, сам по себе полезный, может оказаться мощным рычагом воздействия в руках администрации.

Есть еще одна проблема, которая часто служит аргументом для руководства исправительных учреждений, когда они говорят о том, что улучшить материальное положение заключенных невозможно. Стоит практикующим юристам прийти с нормами Европейских правил к начальникам тюрем и колоний, они начнут рассказывать об отсутствии средств, недофинансировании, а в колониях еще вспомнят, что там вольным живется не лучше. Хорошо бы при этом знать реальный уровень дохода лагерных и тюремных начальников, а также коммерческую целесообразность привлечения тех или иных

фирм, обеспечивающих жизнь заключенных. Вполне вероятно, что уворованное как раз обеспечило бы тот минимум, которого требуют Европейские пенитенциарные правила.

Может сложиться впечатление, что я выступаю апологетом западноевропейской исправительной системы и предлагаю ее скопировать у нас, используя Европейские правила в качестве тарана.

Это не так. В нашем обществе сложился миф о том, что европейские тюрьмы похожи на санаторий, куда уставшие от закона граждане приходят отдохнуть и набраться свежих сил. Западноевропейская система права исходит из нормативистского понимания закона, и любая попытка его игнорировать карается жестко и чисто механически, как на фордовском конвейере. Тюрьма в этом плане выполняет узловую роль и делает это безукоризненно и крайне жестко.

Приведу конкретный пример: известное дело Шленова¹⁸, арестованного в Швеции и обвиненного в нападении на полицейского. По его рассказу, простыни в камере действительно накрахмалены, чистота безукоризненная, и персонал обращается исключительно вежливо, разумеется, никакого физического насилия, и, чтобы вы окончательно поверили в рай на земле, – кормят заключенных клубникой со сливками. Дальше рай кончается. Каждый день ровно с 9.00 до 18.00 следователи твердили ему о его преступлении, и под конец он был готов признаться в чем угодно. Следователи менялись каждые 20–30 минут. И четко объяснили, что подобное приятное общение будет продолжаться ближайшие десять лет точно. Наконец, через месяц пришла справка, что в момент преступления он находился в Финляндии и напасть на шведского полицейского никак не мог. Из скандинавского «тюремного рая» Шленов вышел с острой потребностью в психологической (или психиатрической) помощи и воплем: «Все что угодно, только не шведская тюрьма!». А Европейские пенитенциарные правила не были нарушены.

Российские заключенные за длительное время противостояния карательной системе выработали неформальный механизм взаимоподдержки и солидарности. Эта система существует на разных уровнях, объединяет как блатных воров, так и простых «мужиков», использует любые лазейки в тюремных правилах, продолжает коррумтировать исправительную систему. Как только наши оказавшиеся на Западе соотечественники предпринимают попытки привнести этот механизм в западноевропейские тюрьмы, их беспощадно выкорчевывают. Причем – никаких ОМОНов, «дисциплинарных кружков» и прочих доморощенных ноу-хау. Просто в систему законодательно определенных правил поведения в западной Европе четко вписаны не только заключенные, но и персонал исправительного учреждения.

Но любой ад рано или поздно заканчивается, и заключенный доходит до ворот освобождения. К сожалению, в этом плане Европейские правила отошли от норм, закрепляющих – хотя бы как рекомендации – четкие социальные гарантии освобожденному и вернулись к слабо реализуемым абстрактным посылам.

Возьмите хотя бы тот пункт Европейских пенитенциарных правил в прежней редакции, который грел душу возможностью осуществления когда-нибудь в будущем. Прочитав его

полностью: «Принимаются меры для того, чтобы при необходимости снабдить освобождаемых заключенных соответствующими документами и удостоверениями личности и помочь им найти подходящее жилье и работу. Они также обеспечиваются средствами существования на период, непосредственно следующий за освобождением, подходящей одеждой, отвечающей условиям климата и времени года, и достаточной суммой денег, чтобы прибыть к месту следования» [Европейские пенитенциарные правила, прежняя редакция, п. 89.2].

Теперь данное положение выглядит следующим образом: «Заблаговременно до их освобождения осужденным заключенным должно оказываться содействие в виде процедур и специальных программ, обеспечивающих переход от жизни в пенитенциарном учреждении к законопослушной жизни в обществе» [Европейские пенитенциарные правила, п. 1 ст. 107].

Но все же новая редакция Европейских правил подтверждает стандарты предыдущих и, следовательно, их можно использовать и в настоящее время.

Принято считать, что освобождение из зоны – это начало дороги к новому приговору. Оставляя вчерашнего зека в социально пораженном статусе, мы готовим завтрашнего преступника. Вышедшие из колонии бичи говорят: «На зоне есть определенность». Лишая человека минимальных стартовых условий, мы не оставляем ему выбора и фактически принуждаем к совершению нового преступления. Тем более что он умеет создавать видимость расставания с собственным достоинством вольного человека и использовать любые лазейки для противостояния администрации. При таких обстоятельствах провозглашенная Европейскими правилами цель для заключенного – «восстановить свое место в обществе и, в частности, вернуться к семейной жизни и устроиться на работу» – напоминает красивый лозунг из коммунистической сказки.

А может быть, применение этих Правил на практике все-таки позволит нам хоть чуть-чуть приблизиться к такой исправительной сказке?

Тем более что данные Правила являются обязательными для стран – членов Совета Европы, хотя и содержат в своем именовании слово «рекомендация». И к тому же в этих обязательных Правилах точно указано, что «содержание заключенных в условиях, ущемляющих их права человека, не может быть оправдано нехваткой ресурсов» [Европейские пенитенциарные правила, ст. 4].

Версия #1

Зверобой создал 14 апреля 2025 23:04:26

Зверобой обновил 14 апреля 2025 23:21:24